
Г.В. Каныгин
(Москва)

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ

В статье рассматривается ряд характерных методологических положений анализа качественных данных: разграничение инструментальных и теоретических основ концептуализации нечисловой информации, кодирование как специфический прием работы с исследовательскими понятиями, конструктивность анализа качественных данных и др.

Ключевые слова: качественные данные, анализ качественных данных, концептуализация, функции кодирования, исследовательское понятие

Широкий спектр социологических методов, обращающихся к анализу качественных данных (АКД)¹, и их полноценное конструктивное воплощение², существующее в виде пакетов или программ АКД³, возникли благодаря усилиям исследователей, использующих собственные *аналитические принципы* [1]. Освоение таких принципов отечественными социологами затруднено по трем существенным обстоятельствам.

Геннадий Викторович Каныгин – кандидат экономических наук, заведующий сектором Социологического института РАН. E-mail: genaka@inbox.ru.

¹ <http://onlineqda.hud.ac.uk/methodologies.php> (по состоянию на 30.01.2007).

² В англоязычной литературе – Computer Assisted Qualitative Data Analysis (CAQDAS) или Qualitative Data Analysis (QDA) software.

³ В Интернете существуют различные ресурсы, посвященные пакетам АКД. Отправной точкой знакомства с ними может стать, например, <http://www.lboro.ac.uk/research/mmethods/research/software/caqdas.html> (по состоянию на 30.01.2007).

Во-первых, АКД развивается на основе компьютерных программ, которые оказываются наиболее убедительным и адекватным изложением самих принципов. Однако такое изложение далеко не всегда может быть осознанно воспринято в среде профессиональных социологов. Социальный исследователь, который уже в полной мере на практике ощутил преимущества работы с текстовым редактором, все еще склонен относиться с подозрением к более радикальным компьютерным нововведениям в области гуманитарных наук. Как показывает опыт первого изложения идей качественного исследования на русском языке [2], конструктивный пафос АКД, выраженный в широком спектре компьютерных инструментов, остается невостребованным отечественными методологами.

Во-вторых, настороженность гуманитариев по отношению к компьютерным методам исследований сочетается с распространенной естественнонаучной, т.е. позитивистской ориентацией исследователей [3]. Такое положение сосредоточивает усилия сторонника качественной методологии на пафосном разъяснении своих взглядов: с одной стороны, из-за опасения быть заподозренным в «формализме», с другой, – из-за мотива пересмотра традиционно «жестких» количественных методов. В результате из поля исследовательского внимания «естественным образом» выпадают проблемы структурирования собственных подходов.

Например, прочитав монографию А. Готлиб [4], социолог отметит обстоятельный анализ мотивов, приемов и возможностей качественной методологии, выполненный с привлечением репрезентативного списка как западных, так и отечественных научных публикаций. Он увидит, как качественная методология соизмеряет теоретико-методологические рассуждения с исследовательскими практиками, непосредственно касающимися жизненных проблем людей. Однако, находясь под впечатлением полноты раскрытия тематики качественного исследования, отечественный социолог может упустить из вида один нюанс, важный для пони-

мания проблем *конструктивизации* позитивистской методологии. Раскрывая уже во введении к своей монографии смысл термина «качественный», А. Готлиб ограничивается следующими словосочетаниями: «качественные методы», «качественная социология», «качественная парадигма», «качественная методология», «качественный подход» и «качественный метод» [4, с. 4]. Тем самым недооцененным оказывается важный конструктивный ресурс – «качественные данные», который лежит в основе методов изучения нечисловой информации.

В-третьих, исходные посылки методов изучения нечисловой информации отчетливо отличаются от позитивистской направленности, хотя АКД и имеет в своем названии ключевое слово «данные», роднящее его с традиционной тематикой сбора и анализа социологических данных [5; 6; 7]. Современный АКД часто соотносят с *grounded theory*¹ [3; 4], характерным пафосом которой является поиск новых методологических приемов – организации выборок, неформальных техник анализа собранных данных, «изъятия» информации у респондента и др., с помощью которых становится возможным преодолеть традиционные позитивистские схемы.

В связи с конструктивной природой АКД следует отметить, что хотя среди социологов достигнуто согласие о необходимости совмещения в исследовательской практике качественных и количественных методов, такое согласие существует не на паритетной основе. Количественная методология распоряжается огромным арсеналом методов, т.е. разнообразных конструктивных процедур – от простых дескриптивных статистик до изошренных моделей шкалирования. В свою очередь, качественная методология ограничивается аппаратом анализа нечисловых свидетельств, воспринимая его чуть ли не единственным конструктивным ресурсом своего методологического своеобразия.

¹ Ввиду трудности адекватного и удобочитаемого перевода этого термина на русский язык в статье сохранен англоязычный оригинал.

Дисбаланс конструктивных ресурсов теоретизирования может считаться результатом гуманитарной природы качественного исследования. Однако, безоговорочно облекая свои умозаключения в словесную форму, «социолог-качественник» оказывается перед необходимостью пояснить, можно ли считать словесное теоретизирование наукой? Ведь в этом случае в научном арсенале оказываются различные виды неопределенностей естественного языка – метафоры, умолчания, фольклорные традиции и т.п.

В поисках конструктивного ответа на поставленный вопрос в статье анализируются методологические особенности современного АКД, которые не вполне очевидны при использовании его инструментального аппарата в социологическом исследовании.

Инструментальные начала анализа качественных данных

Отличительной чертой АКД является введение в научный контекст свидетельств информантов в виде текстов, аудиозаписей, рисунков и других «*нечисловых материалов*». Анализ такой информации уже не может строиться на традиционных количественных методах. Этому мешает неструктурированность данных, которая не позволяет вводить количественные представления в форме разного вида матриц. Исследователь оказывается вынужденным прибегать к специальным приемам *структуризации* или *концептуализации* изучаемых свидетельств.

В качестве главного приема концептуализации используется техника кодирования. Инструментально этот прием достаточно прост и может быть представлен двумя шагами (пунктами). На первом происходит выделение в качественных данных отдельных фрагментов. В АКД, как правило, анализируются текстовые свидетельства, поэтому такими фрагментами оказываются небольшие порции текста. На втором шаге, который и дал название всей технике в целом, назначаются коды для каждого выделен-

ного фрагмента. Код в АКД – это аналог исследовательского понятия¹, с помощью которого аналитик фиксирует то, что привлекло его внимание в рассматриваемом им фрагменте данных.

Причины, правила или мотивы, по которым исследователь выделяет фрагменты и назначает им коды-понятия, не оговариваются заранее. Считается, что они могут быть поняты по выполненному фрагментированию данных и их последующему переобозначению с помощью кодов. Фрагмент данных считается контекстом для кода, которым он обозначен. Техники кодирования, возникшие еще в докомпьютерную эпоху развития методологии, послужили инструментальной основой целого класса программных средств (см., например, сайт CAQDAS Networking Project²).

Будучи реализованными в составе программ, приемы концептуализации нечисловой информации получают название *функций кодирования* и сборка информации из данных (coding and retrieval functions, далее – функции, техники или аппарат кодирования). Такие функции оказываются оригинальным средством компьютерного ассистирования исследователю, занятого анализом свидетельств информантов. С их помощью становится возможным осуществление характерных операций с данными – структурирование информации на основе кодов, совместный просмотр отдельных фрагментов, использование кодов для поиска и т.п.

Важным инструментом анализа кодов-понятий являются приемы установления отношений между ними. Возможность и целесообразность структурирования кодов возникают в рамках самой инструментальной идеи кодирования. Способом структуризации служит соединение кодов в виде иерархических структур, например, древовидных графов. На рис. 1 представлен типичный обра-

¹ В качестве синонимов слова «понятие» в статье также используются «термин», «концепт» и «представление».

² <http://caqdas.soc.surrey.ac.uk/links1.htm> (по состоянию на 30.01.2007).

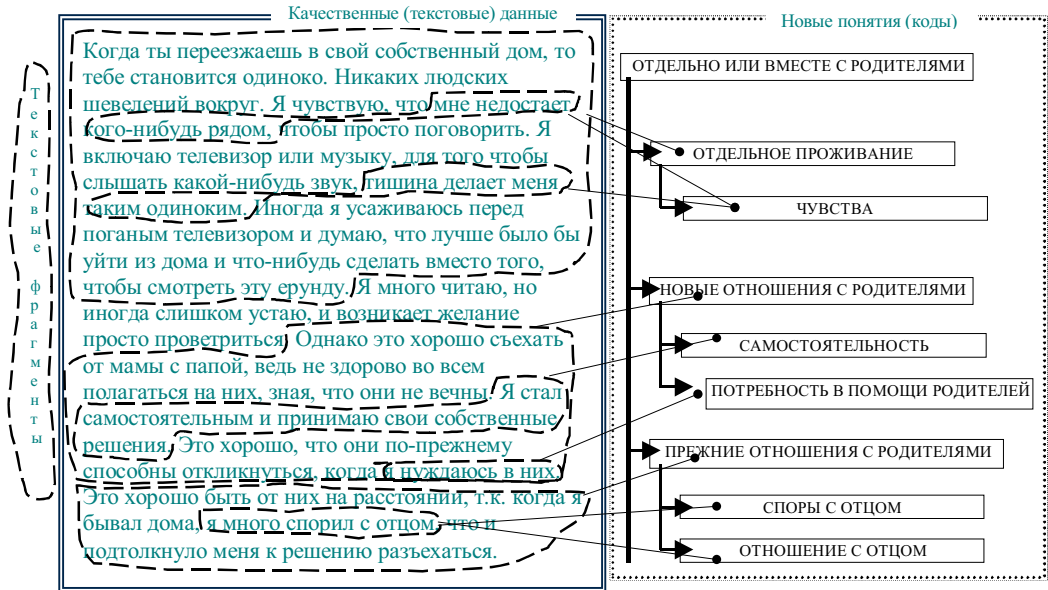

Рис. 1. Кодирование отдельных фрагментов и иерархизация кодов

зец¹ нечисловой информации – текстовое свидетельство молодого человека о плюсах и минусах совместного проживания с родителями. Оно концептуализировано, его отдельным частям поставлены их концептуальные обозначения, т.е. коды, собранные в иерархическую структуру.

Техники кодирования используются аналитиками различных методологических ориентаций. Например, А. Готлиб рассматривает кодирование в составе операций grounded theory [4, с. 172–176]. Дж. Зейдель, ведущий разработчик одной из первых программ АКД – Ethnograph² – видит в аппарате кодирования конструктивное выражение исследовательских действий, имеющих «общенаучный смысл» – «наблюдения», «обобщения» и «размышления» (noticing, collecting, thinking). Другая современная программа АКД – MAXqda³ – позиционируется ее разработчиками А. Кукарц и У. Кукарц как инструмент, построенный для целей выражения методологических взглядов М. Вебера⁴.

Разнообразие теоретических контекстов, которые трактуются их сторонниками как методологические основания техник кодирования, позволяет предположить, что аппарат концептуализации АКД не является продуктом каких-то предметно определенных исследовательских установок. Скорее, инструментальные техники кодирования – это вполне самостоятельный конструктивный аппарат, который может быть применен в различных теоретических или методологических контекстах⁵. В каждом из них функции

¹ Основа примера взята 12/12/2006 из Интернет-адреса http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/phpechorage_titleOnlineQDA-Examples_QDA.php. Перевод на русский язык выполнен автором статьи.

² <http://www.qualisresearch.com/> (по состоянию на 28.03.2007).

³ <http://www.maxqda.com/index.htm> (по состоянию на 28.03.2007).

⁴ <http://public.centrodeestudiosandaluces.es/pdfs/S200106.pdf> (по состоянию на 28.03.2007).

⁵ О методологиях, возможных в этой связи, см. <http://onlineqda.hud.ac.uk/methodologies.php> (по состоянию на 28.03.2007).

кодирования сохраняют свое структурное своеобразие, но общим является то, что:

- исходная информация – неструктурированные или качественные данные;
- данные фрагментируются аналитиком на не оговариваемых заранее принципах;
- аналитиком же вводятся аналоги исследовательских понятий – коды;
- коды соотносятся с фрагментами данных (различным кодам могут соответствовать как разные, так и одни и те же фрагменты);
- фрагмент данных считается контекстом для кода, т.е. формальным описанием тех обстоятельств, в которых вводится код;
- отношения между кодами устанавливаются в виде иерархий, которыми, как правило, служат древовидные графы.

Это перечень можно дополнить одним общенаучным методологическим постулатом:

- данные рассматриваются как факты, т.е. обосновывают сугубо авторские коды в традиции научного эксперимента – через предъявление связи между наблюдаемым событием, существующим в виде фрагментированного свидетельства информанта, и его описанием, выраженным в виде кода.

Структурная идентичность функций кодирования в разных теоретических контекстах может быть объяснена тем обстоятельством, что этот аппарат обязан своим появлением сугубо прагматическим соображениям. Одним из практических стимулов служит необходимость работы с большими объемами информации, в которой трудно выделить «единицы наблюдения» из общезначимых неоспариваемых соображений. В этих условиях возникают такие «естественные» конструктивные решения как разбиение «бесконечного» символического потока на обозримые фрагменты, иерархизация выделенных фрагментов, организация доступа к отдельным частям неструктурированных данных с помощью вводимых кодов и т.п.

Конечно, трудно рассчитывать, что такая прагматическая основа функций кодирования полностью отвечает «содержательным» требованиям. Поэтому обычной практикой является спецификация инструментальных начал кодирования в рамках исследовательских методологических предпочтений, которая в подавляющем числе случаев проводится в виде текстовых разъяснений. Так, сторонники grounded theory считают целесообразным осуществлять кодирование в несколько этапов¹. Сначала выполняется «так называемое» открытое кодирование, нагруженное задачей предварительного описания анализируемых свидетельств [3; 4, с. 173–174]. Затем осуществляется «так называемое» осевое кодирование, которое, как следует из разъяснений А. Готлиб, «нанализует» первоначально полученные коды «вокруг» одной категории [там же].

Мы употребили словосочетание «так называемые» по одной простой, но принципиальной причине – методологические схемы grounded theory [3; 4] действительно лишь называют свои специфические операции, не предлагая никаких собственных структурных моделей, отличных от заимствованных ими функций кодирования. Например, структурно не специфицируется своеобразие вновь вводимого термина «категория», отчетливо предпочитаемого на некотором этапе собственных построений своему изначальному аналогу – «код». Этот процесс «переназывания» заимствованных инструментальных идей чреват для возникающих терминов потерей конструктивности – необходимого атрибута любых научных построений.

«Индикаторами» недостаточной «структурной оформленности» grounded theory можно считать три характерных аспекта только что цитированных работ. Во-первых, собственно конструктивный

¹ Эта как бы нейтральная методологическая посылка оказывается особенностью или даже пристрастием, в частности, потому, что любое деление на этапы есть выражение произвола аналитика. Такой произвол никак не направляется инструментальной идеей кодирования, а в рамках «содержательных» построений объясняется еще одним произволом.

аппарат исследования в виде функций кодирования оказывается *промежуточным звеном* в получении результатов, окончательно формулируемых в текстовом, т.е. сугубо *неконструктивном* виде (см. [3], Rendering Through Writing). Во-вторых, становится проблематичным *структурное изложение критериев качества* исследования, например, прозрачности аналитических процедур (см. [4, с. 117] и далее). В-третьих, непроясненным остается ответ на вопрос, каков *собственный конструктивный аппарат качественного исследования* в сравнении с традиционными количественными решениями?

В этой связи рассмотрим ряд особенностей, которые скрываются за, казалось бы, нехитрыми операциями перевода текста в набор кодов.

Методологические особенности анализа нечисловой информации

Средство коммуникации. В современных пакетах АКД применяются различные формальные приемы изучения нечисловых свидетельств информантов, в том числе – матрицы связей, дескриптивные статистики, визуализация и др. Но главным специфическим инструментом АКД были и остаются функции кодирования [8]. Все формальные преобразования, применяемые в компьютерном анализе качественных данных, строятся на основе результатов использования этих функций.

Функции кодирования сами являются формальным аппаратом, с помощью которого выполняется фрагментирование, назначение кодов и сбор (retrieval) данных. Однако этот аппарат предназначен, скорее, для осуществления *коммуникации акторов*, а не алгоритмизации операций с уже собранными качественными данными. Отличие в том, что средства кодирования не включают в свой состав никаких формальных предписаний о том, как следует преобразовывать собранную информацию.

АКД – это не столько аппарат алгоритмического преобразования нечисловой информации, сколько одна из стадий эволюции медленно меняющихся средств, которые обслуживают процесс формирования и использования представлений, вовлекаемых людьми в процесс коммуникации между собой. Часто такие средства обсуждаются при осмыслении роли текста, которую он играет в разработке гуманитарных теорий [9; 10]. В числе упомянутых средств находятся знаковые системы, речевые сообщения, рукописный текст, иероглифическое письмо, текстовый процессор, естественнонаучные теории и т.д. Анализ качественных данных может восприниматься как современный этап развития инструментальных возможностей изучения социальных сюжетов, который характеризуется переходом от вербальных описаний к системам понятий, построенным по образцам классической науки. В схемах АКД роль вербальных описаний играют свидетельства информантов, а естественнонаучный теоретический аппарат, создаваемый исследователем, представлен в виде кодов и отношений между ними.

Функции системы координат. Взгляд на АКД как на методологию, служащую установлению взаимопонимания социальных акторов, позволяет избежать недоумения, которое возникает в начале знакомства с техниками кодирования. На первый взгляд, эти техники выглядят недостаточно адекватными задачам изучения сложных социальных сюжетов, стоящих за нечисловыми свидетельствами информантов. Действительно, по сравнению, например, с представлениями девиантологии, такими как преступность или норма социального поведения [11], которые вызывают у нас образы, непосредственно связанные с нашими социальными действиями, аппарат кодирования выглядит не имеющим отношения к предмету гуманитарного изучения.

Если же соотнести инструменты кодирования с количественными методами, нашедшими широкое применение в социологии – факторным анализом, шкалированием и т.п., то кодирование явно

проигрывает в формальной сложности. Этот прием концептуализации не использует ни понятия пространства, ни алгоритмов его преобразования, т.е. собственно формальных инструментов, которые находятся в фокусе проблематики математических методов в социологии [12; 13].

Однако обе указанные особенности аппарата концептуализации составляют, с точки зрения сторонников АКД, его достоинства. Так же как декартов метод, функции кодирования принципиально не связаны с «содержанием» сюжетов, изучаемых с их помощью. Подчеркнутое отсутствие в средствах кодирования какого бы то ни было «социологического содержания» не означает отсутствия собственной научной проблематики. Центральной проблемой оказывается обеспечение тождественности концептуальных построений – необходимой посылки существования любой социологической теории вне зависимости от того, для какой предметной области она предложена.

Неоднозначность исследовательских понятий. Несомненно, отстраняясь от «содержания» решаемой социальной задачи, вводимого, например, с помощью таких терминов, как преступность, семейные проблемы, межконфессиональный конфликт и др., сторонник анализа качественных данных оказывается в заведомо невыгодном положении. С позиции практического применения научных результатов такое отстранение может восприниматься как абстрактные дискуссии и отвлечение научных ресурсов, крайне важных для решения остро актуальных социальных проблем, формулируемых в предметных терминах – низкая рождаемость, пьянство и т.п.

Однако сторонник АКД готов занять такую позицию, невыгодную с точки зрения сиюминутных практических интересов. Дело в том, что, как свидетельствуют гуманитарные ученые, занятые развитием актуального предметного социологического знания, проблемы этого знания выходят за рамки отдельных предметных областей. Так, Я. Гилинский пишет, что «принципиальной

проблемой девиантологии является неоднозначность ее представлений» [11]. Проблема неоднозначности исследовательских понятий, используемых в гуманитарном исследовании, не является открытием, сделанным в предметной области АКД. Так, Г. Татарова в качестве первой проблемы методологии анализа данных в социологии отмечает «многозначный характер использования понятий в социологии» [5, с. 9]. В анализе данных эту проблему стремятся решить на основе известных представлений, в числе которых главное место занимают «переменная» и структура «объект-признак». Средством решения проблемы видится разработка новых методик известного формального аппарата, например, шкалирования [13].

Сторонники АКД пытаются пересмотреть базовые представления самого формального аппарата, предлагая новые структурные модели вместо таких канонических идей, как признаковое пространство и реляционная база данных. В АКД существование проблемы неоднозначности понятий рассматривается как методологический вызов, требующий своего конструктивного решения.

Отстранение от естественного языка. Универсальным средством описания наблюдаемых фактов служит естественный язык. В этой связи может показаться, что АКД следует в русле известных взглядов на язык, выраженных, например, Ю. Толстой: «Использование языка означает введение определенного рода моделирования реальности» [14, с. 68]. Руководствуясь этими взглядами, можно посчитать, что кодирование в АКД – это аппарат перевода одной модели, артикулированной на естественном языке, в другую модель, представленную в виде кодов и отношений между ними.

Однако при обращении к АКД не следует упускать из вида альтернативную трактовку. С инструментальной идеей АКД вполне согласуется традиция рассматривать язык в первую очередь не как средство моделирования реальности, а как инструмент принуждения, который построен на механизмах суггестия, прак-

тически применяемых акторами для достижения своих целей в процессе социальной коммуникации [15]. Такой инструмент вовсе не обязан обслуживать задачи непредвзятого описания изучаемых явлений, как принято в естественных науках, откуда пришел термин моделирование. Скорее, наоборот, будучи по своей природе инструментом навязывания актором своих целей, язык оказывается составленным из метафор, умолчаний и разговорных традиций, которые вовсе не предназначены для роли «естественной системы координат». Трудности, возникающие при моделировании этих языковых феноменов [16], заставляют прилагать специальные усилия для того, чтобы извлечь из языковых свидетельств фактические сведения. Одним из вариантов таких усилий являются опросные техники, направленные на устранение различного рода искажений в сведениях, поставляемых респондентами при интервьюировании [17].

За счет подмены естественного языка, имеющей в АКД вид функций кодирования, сторонники АКД как раз и стремятся решить проблему многосмысленности и контекстной обусловленности свидетельств информантов. Тем самым идея переформулирования качественных данных в виде кодов говорит о том, что АКД нацелен на отстранение от языка. Естественный язык для АКД оказывается не только источником фактов, но и способом их искажения.

Замена текста в качестве инструментального средства развития теорий. Текст – это один из видов качественных данных, и для него во многом верны соображения о неоднозначности, высказанные выше относительно естественного языка в контексте АКД. Однако текст имеет собственную традицию осмысления, которая возникла задолго до появления АКД. Характерным является утверждение Е. Таршиса о том, что «понятие текста – одно из самых сложных в гуманитарных науках. Именно поэтому некоторые исследователи, посвятившие анализу текста значительную часть жизни, не рискуют давать дефиницию, а лишь ограничиваются перечислением признаков текста» [9, с. 80].

Этот пример показывает главное отличие того, что понимается под термином «текст» в АКД. Традиционное подчеркивание отдельных «конструктивных» сторон текста, осуществляемое в «вербальном» режиме, оставляет слишком много недосказанного. Например, вполне наглядными являются утверждения, что текст – это «всякий связный знаковый комплекс» [там же] или феномен, обладающий «вещностью» в культурологическом контексте [там же]. Однако при попытке артикулировать на основе этих взглядов оригинальную модель текста, дающую авторам и читателям возможность «возвыситься» над известными им письменными навыками, инициатор такой попытки предлагает лишь новый текст.

Во-вторых, ориентация на конструктивность представлений о тексте вовсе не означает, что сторонник АКД сводит свое понимание лишь к формальным структурам, оставляя без должного внимания другие ипостаси этого коммуникационного инструмента, которые обычно передаются словами «содержание», «смысл», «социальный контекст» и т.п. Во все нет, как раз наоборот, несмотря на большое разнообразие современных компьютерных моделей текста, простирающихся от «плоского» набора символов через различные форматы документов к разнообразным средствам гипертекстовой разметки и языкам программирования, основой АКД остаются человекомашинные операции расстановки кодов – операции, построенные на сугубо человеческом восприятии текста и лишенные каких-либо формальных оснований для своего осуществления.

Все то, что не поддается моделированию с помощью современных научных методов, воспроизводится за счет представления об акторе¹, включенного в контур коммуникации. Таким пу-

¹ Употребляя слово «актор» в качестве обобщения традиционных для АКД терминов информант (респондент) и исследователь (аналитик), мы хотим подчеркнуть принципиальное сходство между людьми, вовлекаемыми в схему анализа нечисловой информации. Сходство состоит в том, что в практике АКД «информант» и «аналитик» оказываются лишь ролями, для выполнения которых некто, именуемый актором, должен быть наделен способностью понимать текст. В част-

тем структурно размежевываются две принципиально важные *ситуации*: в одной моделируем то, что наблюдаем, т.е. циркуляцию «носителя коммуникации». И «знаковый комплекс» и «вещность» из своей по-разному понимаемой вербальной формы становятся наборами знаков, звуками, изображениями и другими вполне однозначно понимаемыми информационными объектами. В другой – не воспроизводим чувства, эмоции, намерения и т.п. По этой же причине – неумения моделировать – АКД не обращается к таким теоретическим догадкам, как «пространство восприятия» [13, с. 11–27] или классическая «латентная переменная» [18; 19]. В первой ситуации создаются компьютерные модели, во втором – организуется включение актора, рассчитывая выявить в виде наблюдаемых структур внутренние ресурсы человека, которые на сегодня не поддаются моделированию. В АКД эти ситуации, возможно, недостаточно отчетливо различимы для практикующего аналитика. Эффективным способом понять эти различия является современная компьютерная программа, реализующая процедуру АКД.

Такое разграничение, характерное для компьютерного понимания текста, в большей степени отражает реальное положение вещей, чем вербализованное смешивание того, что мы знаем, с тем, что остается вне пределов наших знаний и умений. Например, обычное письмо, направляемое по почте, имеет определенную интенцию, которую далеко не всегда можно вывести из текста самого письма. Пользуясь термином В. Якобсона и Г. Лезина [20], можно сказать, что для понимания такой интенции необходимо учитывать «большой контекст», с которым это письмо связано. Компьютерная модель текста, например формат документа Winword, не вос-

ности, для того, чтобы «кодировать» аналитик должен «распознать» текст информанта, а информант для того, чтобы воспринять результаты кодирования, должен понять текст в составе кодов аналитика. Эта уникальная компьютерно не моделируемая способность актора как раз и заставляет использовать его «втемную» в виде человекомашинной организации АКД с помощью компьютерных программ.

производит означенную интенцию. Однако в повседневной жизни письмо также не в состоянии выразить свою интенцию. Для выражения последней нужен «обученный» актер с его предварительными и весьма обширными знаниями, которые, очевидно, могут выходить далеко за рамки тех непосредственных ассоциаций, которые появятся у неосведомленного читателя письма.

Оказывается, что в случае «человеческого» понимания текста, противопоставляемого его компьютерному аналогу, речь идет о том, что для нас загадочны ментальные механизмы, с помощью которых человек обрабатывает вполне ясные проявления текста как знаковой системы, файла данных или графического образа. Приняв тезис о «когнитивной недостаточности», мы оказываемся перед двумя возможностями построения стратегии развития представления о тексте. Одна состоит в том, чтобы, используя заведомо неоднозначные языковые средства (см. сказанное выше о языке), говорить о сложности текста, его многоаспектности, погруженности в культурологический контекст и т.д. Другая, признав наличие принципиальных трудностей понимания того, как функционирует текст, – попытаться усовершенствовать его конкретные структуры, с помощью которых носитель этих трудностей – актер – все же преодолевает их в ходе своей повседневной практики, общаясь с другим актером.

Основания концептуализации нечисловой информации. Выделим два направления развития конструктивных представлений о тексте. Во-первых, различные варианты адаптации структуры текста к разнообразным конкретным задачам, в которых он применяется. Например, необходимо распространить текст по Интернету без дополнительных расходов на приобретение соответствующих программ – используйте pdf-формат, нужно включить в статью математические формулы – обращайтесь к формату редактора Tech, требуется отправить сообщение по электронной почте – воспользуйтесь простейшим редактором Notepad и т.д. В связи с этими способами развития структуры текста обычно не возни-

кает вопросов о содержании, понимании и т.п. Пользователи получают помощь по вполне конкретным задачам, они рассматривают текст только как инструментальные средства и готовы изучить функции и возможности применения текста в каждой из конкретных задач.

Во-вторых, идея концептуализации, т.е. мысль о том, что тексту или естественному языку, выраженному с его помощью, могут быть поставлены в процессе решения конкретной задачи более совершенные структуры. В этом случае актер уже не может, как в предыдущем подходе, играть роль прилежного пользователя, следующего предписанным ему правилам работы с текстом. Его задача состоит в осуществлении перевода содержания (смысла, сущности, значения и т.п.) как некоторого инварианта из традиционной текстовой формы в новые структуры. Тем самым оказывается, что не столь важно, что переформулируется – текст или, например, стоящий за ним естественный язык, а важно, из каких соображений создавать эти предполагаемые структуры, в терминах которых актерам надлежит взаимодействовать.

Одной из самых известных реализаций этой идеи являются порождающие грамматики Н. Хомского [21]. В отечественной литературе подобный подход применен, например, в работах В. Тузова, Г. Лезина и соавторов и получил название концептуального анализа текстов [22; 23]. Основой подхода служит формальный семантический язык [24], гипотеза о существовании ограниченного множества представлений, с помощью которых актеры организуют свое взаимодействие в практических ситуациях. Это множество является одним и тем же для всех акторов, пользующихся семантическим языком. Тем самым авторы берут на себя функции «коммуникационного модератора», который отчуждает у своих сторонников право на самостоятельное создание, например, собственных предметных первопонятий.

Этот подход находит свое практическое обоснование. Так, В. Якобсон и Г. Лезин свидетельствуют о том, что, применяя кон-

цептуальный анализ к историческим текстам – законам Хаммурапи, можно добиться более четкой собственной позиции [20]. На наш взгляд, практическое применение такого подхода подчеркивает «человекомашинный» характер концептуализации. Перевод исторических текстов в концептуальную форму оказывается успешным только в том случае, если удастся наряду с собственно семантическими конструкциями задействовать «большой контекст» их применения, что происходит через посредство человека [там же].

Взгляд на текст как на поток символов, подлежащий расшифровке с помощью актора, позволяет понять один из мотивов техник кодирования по сравнению с широко распространенными методами контент-анализа. Такие методы опираются на идею выражения «содержания» через его символьное изображение в виде слов и словосочетаний. Эта установка, во-первых, на существование некоторого «объективного содержания», во-вторых, на непреложность устойчивой связи между «объективным содержанием» и его символьными денотатами подвергается в АКД конструктивному сомнению в виде техник кодирования. Этот аппарат концептуализации не требует ни существования «объективного содержания», ни одинаково понимаемой акторами связи между этим «содержанием» и его возможными обозначениями.

Например, за различными текстовыми обозначениями, скажем, «изобразить увиденное» и «нарисовать картину» стоит «одно и то же содержание». С другой стороны, «одно и то же содержание» в различных контекстах означает совершенно разное. Убийство врага на войне – это подвиг, а убийство собутыльника на кухне – это банальное преступление, и то и другое обращает внимание на слово «убийство» [11].

Для выявления всевозможных сочетаний символических обозначений, соответствующих в анализируемом тексте искомому «содержанию», в контент-анализе все равно приходится привлекать аналитика [9, с. 74]. Именно человек решает проблему ос-

мысленности результатов выявления «контента». С позиций сторонника АКД это девальвирует исходную позитивистскую идею обсуждаемой методологии, а задачей переформулирования текста оказывается не выявление «объективных смыслов», а создание эффективных средств их конструирования, т.е. таких, которые позволяли бы актору не затрудняться при устранении неоднозначности, учете контекстов, прослеживании авторства высказываний и т.п.

Целью разрешения научных коллизий «содержания» является не стремление выразить «контент» по его изображению, а предоставление актору возможности самоидентифицироваться по результатам детализированного описания различных жизненных ситуаций. Актору предлагается выявлять «содержание» в тех терминах, которые он сочтет уместными, не ориентируясь на словосочетания, различаемые в анализируемом тексте. Сам термин «содержание» или его аналог «смысл» трактуются в духе символического интеракционизма, т.е. как нечто возникающее «внутри актора» в процессе его коммуникации с другим актором [4, с. 73–76]. Смысл оказывается продуктом совместной активности акторов в отличие, скажем, от неба, которое безучастно существует над их головами.

«Техническая» проблема «большого контекста». В связи с представлением о «большом контексте», упомянутом выше, возникает проблема, которую, на первый взгляд, можно считать чисто технической, не относящейся к тематике концептуализации текста по существу. Речь идет о том, что в реальных задачах осмысления человеческих свидетельств «большие контексты» действительно оказываются «большими». Это «качественное» суждение о «величине» контекстов, через обращение к которым анализируется текст, можно пояснить следующим сравнением. Профессиональным социологам хорошо известно, что при анкетировании не рекомендуется использовать шкалы с большим числом градаций. Это ограничение объясняется трудностями восприятия респондентом большего числа вариантов ответа.

На практике проблема оперирования «большими контекстами» недооценивается. Эта недооценка выражается в том, что часто используются приемы концептуализации, в которых текст информанта переводится с помощью неструктурированных аналитических усилий исследователя снова в набор символов. Считается, что такой набор обобщает свидетельства информантов, т.е. как-то выражает всю совокупность мнений респондентов об исследуемом сюжете.

Одним из таких приемов является метод незаконченных предложений, нашедший широкое применение в гуманитарных исследованиях [25; 26]. Не оспаривая эвристических возможностей метода, обратим внимание, что в нем не предлагается каких-то оригинальных структур, которые помогали бы аналитику в оперировании огромной массой представлений, подлежащих концептуализации. Инструментом концептуальной работы оказывается текст, препарированный с помощью тех аналитических навыков, которые возникли в эпоху «карандаша и бумаги». Другим возможным средством служат компьютерные программы, созданные на основе принципов, далеких от социологической проблематики, например, текстовые процессоры. В отличие от такой «эвристически стихийной» концептуализации АКД предлагает решать проблему «большого контекста» путем замены текста на специальные структуры. Использование структурных инструментов концептуализации способно объяснить, каким образом при анализе нечисловой информации может быть преодолена ограниченность человеческого восприятия, зафиксированная методиками анкетирования.

Работа с исследовательскими понятиями

Использование теоретических понятий в качестве базовых элементов выражения исследуемых сюжетов служит ключевым признаком научности самого исследования [4, с. 28–29]. Рассмотр-

рим характерные аспекты работы с понятиями, выполняемой с помощью инструментов кодирования.

«Мнемоничность» функций кодирования. Так же, как при концептуальном анализе текстов в случае обращения к АКД, приходится концептуализировать изучаемые свидетельства информантов. Однако АКД не предполагает заранее существование семантического языка, в который аналитик транслирует свои концептуальные конструкции. АКД строится на работе с исследовательскими понятиями – кодами, которые возникают не в виде предварительно введенного «теоретического диалекта», а в ходе самого анализа. Идея оперирования с понятиями аналогична одному из основных положений grounded theory, согласно которому данные возникают в исследовании не до его проведения, а конструируются в ходе самого изыскания [3; 4, с. 160–176, 332–341]. Так же и исследовательские понятия возникают не все сразу, а шаг за шагом, в процессе развертывания самого исследования.

Конструктивным средством формирования новых представлений по результатам анализа нечисловой информации являются функции кодирования. В отличие от семантического языка, упомянутого выше, эти функции имеют ясно выраженное мнемоническое назначение. С их помощью не стремятся воспроизводить сюжеты информанта в виде какой-либо модели его действий, например, математической или имитационной. Результаты кодирования – это способ детализированной записи тех явлений и событий, которые можно встретить у информанта. И если требуется получить более совершенный способ воспроизведения этих явлений или событий, то в рамках АКД строится более «совершенная запись». «Аналитическое расчленение» мнения информанта позволяет более скрупулезно имитировать сами суждения с помощью функций кодирования.

Концептуальное выражение свидетельств информанта, возникающее в виде кодов, претендует только на более отчетливую структуру переобозначений, но не на выражение «семантики» этих

свидетельств. Для «дешифровки» результатов кодирования так же, как и для свидетельств информанта, всегда необходим актор. Поэтому концептуальный аппарат АКД в своем программном виде является принципиально человекомашинным.

Соблюдение закона тождества. По сравнению с традиционным коммуникационным инструментом – текстом функции кодирования лучше приспособлены к поддержанию тождественности представлений, которые существуют как в свидетельствах информанта, так и в аналитических построениях. Иначе говоря, функции кодирования не позволяют актерам научной коммуникации с легкостью подменять представления, введенные ими самими и используемые в разных контекстах. Рассмотрим эту ключевую особенность АКД на примерах работы с *первопонятиями*, осуществляемой с помощью обычной текстовой коммуникации.

Для того чтобы уверенно разграничивать научные концепты и текстовый способ обращения к ним, воспользуемся примерами работы с геометрическими представлениями, известными из школьного курса. Вспомним три геометрические действия, обращающая внимание, что они выражены с помощью текста. Первое: провести на плоскости прямую и пересечь ее другой прямой. Второе: с помощью циркуля нарисовать окружность. Третье: перейти от одной вершины треугольника к другой вершине. Зададимся вопросом, чем примечательны эти действия для цели воплощения идеи концептуализации?

Понимание всех трех ситуаций строится за счет обращения к первопонятиям. Во всех трех случаях легко просматривается обращение, скажем, к первопонятию ТОЧКА¹. Во-первых, это «геометрическое место» пересечения прямых, во-вторых, центр окружности, в-третьих, вершина треугольника. Эта идентифици-

¹ Будем отличать посредством написания заглавными буквами теоретические понятия, в данном случае геометрии, от их переформулирования с помощью слов естественного языка.

руемость первопонятий имеет бесценный плюс по сравнению с описаниями тех же ситуаций с помощью текста. Как учит нас опыт естественных наук, для первопонятий сохраняется их тождество в любых построениях, которые введены в рамках науки. Тождество чего?

Тождественные характеристики могут быть названы по-разному: свойства, параметры, действия и т.п. В силу того, что мы не знаем, как реализованы «концептуальные операции» в нашем когнитивном аппарате, невозможно выразить это тождество первопонятий иначе, как называя их. Для научных построений (в отличие от литературных или публицистических) тождественное использование первопонятий является аксиомой или синонимом самой научности. В частности, три указанных случая, которые с помощью языка могут быть названы по-разному – «пересечение прямых», «центр окружности» и «вершина треугольника», обладают общими свойствами или с ними разрешен ряд одних и тех же действий. Использование первопонятия ТОЧКА для характеристики этих случаев вместо словесного «аналога» не позволяет их «размыть» путем привлечения различных ассоциаций, услужливо предоставляемых естественным языком.

Самоидентификация актора. Попытки конструктивно выразить свойства «когнитивного объекта», с которым мы только что работали, отвергаются наукой с помощью короткого тезиса: ТОЧКА – это первопонятие. Либо актер идентифицирует себя с первопонятием, либо – нет. Понимание первопонятий – это проблема самоидентификации актора, которая решается им самим путем соотнесения своего внутреннего или интуитивного опыта с первопонятием в процессе обучения. Ввиду чрезвычайного разнообразия социальных сюжетов, с позиций идеологии АКД, актору необходимо предоставить специальные средства самоидентификации, дающие ему возможность введения собственных первопонятий. Странник АКД не может рассчитывать на успех Евклида, сводя свои контекстно-обусловленные конструкты к представлениям,

заимствованным из естествознания. Как пишет Б. Фливерберг, разъясняя пафос непозитивистской методологии case-study, «...предсказательные теории и универсалии не найти, изучая дела людей. Конкретное, зависимое от контекста знание ценнее тщетного поиска предсказательных теорий и универсалий» [27, с. 112].

Однако авторитет Евклида по-прежнему высок, поэтому современные аналитики продолжают строить свои теории, опираясь на некий «естественный» контекст. Примером подобных построений служит позиция Я. Гилинского, который раскрывает неоднозначный социологический термин «преступление» через известные естественнонаучные понятия, например, «норма» [11, с. 2–3]. На наш взгляд, в подобной позиции существуют две трудности. Во-первых, не совсем ясно, за счет каких структурных или иных методологических приемов «наиболее общее понимание нормы» помогает актору осознать, что «преступление» – это «понятие относительное, конвенциональное, социальный конструкт» [там же].

Во-вторых, опыт построения классических теорий свидетельствует, что «научность» доктрины возникает не из-за того, что теоретик смог, по его мнению, предъявить «единые наиболее общие» представления. Более важно, чтобы акторы, используя предложенные первопонятия, смогли с их помощью самоидентифицироваться в определенном контексте. Например, наряду с геометрией Евклида существуют модели Ф. Клейна [27, с. 250–259]. Первопонятие ПРЯМАЯ, используемое в обеих теориях, разрешает акторам вполне определенные действия, которые различаются в зависимости от теоретического контекста. Эти различия задаются, например, постулатом о единственности ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ПРЯМОЙ, проведенной через ТОЧКУ, не лежащую на заданной ПРЯМОЙ. Выполняя самоидентификацию в зависимости от контекста уже на «уровне» первопонятий, актор естественнонаучной теории «автоматически» учитывает определенный контекст во всех дальнейших построениях. Тем самым ему оказываются не нужны «общие первопонятия», существующие вне теоретического контекста.

Рассчитывая более полно учесть практику концептуальных приемов в области естественнонаучных теорий, сторонник АКД стремится предоставить в распоряжение социолога аппарат систематического учета социального контекста на основе оперирования с научными понятиями, а не с потоком текста. Сегодняшней версией такого аппарата являются функции кодирования, однако остается открытым вопрос об их совершенствовании.

Функции кодирования как инструмент работы с понятиями. После разъяснения целей работы с понятиями при концептуализации нечисловой информации, можно сказать, что функции кодирования оказываются в АКД далеко не только инструментальной помощью исследователю при анализе свидетельств информанта. Кодирование фрагментов текста – это попытка следовать в гуманитарном дискурсе естественнонаучным методологическим принципам, со времен Евклида структурирующим науку с помощью понятий. Другими словами, попытка превратить описательные приемы социологии в науку. Вопрос о том, насколько успешной оказывается эта попытка, остается одним из самых дискуссионных в современном АКД. Проблема состоит в следующем. С помощью перехода на работу с понятиями приверженцы АКД, с одной стороны, получают аппарат, который ориентирован на структурное поддержание тождества аналитических конструкций, с другой, – берут на себя непростые обязательства по соблюдению этого тождества за счет собственных концептуальных действий. Сложность работы с концептами состоит именно в том, что чрезвычайно трудно выразить поток своего опыта в структурно-непротиворечивой форме. Известно, что процесс кодирования в АКД является чрезвычайно трудоемким.

В этой связи актуальным оказывается вопрос о критериях, которыми руководствуется сторонник АКД в своей концептуальной работе¹ [4, с. 117–124]. Хорошо известно, что результаты

¹ http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/qualitative_analysis.php (по состоянию на 31.01.2007).

исследований формулируются не в терминах кодирования, а в виде аналитического текста¹. Работа с понятиями оказывается промежуточным средством концептуализации. По нашему мнению, причиной этого является недостаточная инструментальная гибкость самого аппарата кодирования, из-за чего практикующие исследователи не находят в ключевом аппарате АКД своего представления о теории [29]. С точки зрения конструктивистской методологии, инструментам АКД недостает ресурсов, позволяющих фиксировать контекст высказываний информантов в терминах аналитика, эффективно прослеживать подразумеваемые умолчания и явно обозначать акторов, соотносимых с высказыванием [30].

В заключение отметим, что высказанные суждения о природе современного анализа качественных данных не исчерпывают многообразие его методологических особенностей. За рамками статьи остались такие важные вопросы, как: соотношение объективистских и конструктивистских начал качественных методов, критерии концептуализации нечисловой информации, трудности использования пакетов АКД. Вместе с тем, из нашего исследования следует, что АКД является самостоятельной *предметной областью*, методологические особенности которой «вписаны» в ее инструментальные средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lee R.M., Fielding N. Qualitative Data Analysis: Representations of a Technology: A Comment on Coffey, Holbrook and Atkinson // Sociological Research Online. 1996. Vol. 1. No. 4. [2.3]; <http://www.socresonline.org.uk/1/4/lf.html> (дата считывания 02.02.2007).
2. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
3. Charmaz K. Grounded Theory: Objectivist and Constructive Methods // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. 2nd ed. Thousand Oaks, Ca.: Sage, 2000. P. 509–535.

¹ http://onlineqda.hud.ac.uk/Intro_QDA/writing_analysis.php (по состоянию на 31.01.2007).

4. Готлиб А. Качественное социологическое исследование: Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.
5. Татарова Г.Г. Методология анализа данных. М.: Nota bene, 1999.
6. Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных: методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000.
7. Крытиановский А.О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: Учебное пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2006.
8. Kelle U. Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. No. 2. [3.2]; <http://www.socresonline.org.uk/2/2/1.html> (дата считывания 02.02.2007).
9. Таршиц Е.Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: методология, методы, математические модели. 2002. № 15. С. 71–91.
10. Батыгин Г.С. Социальные науки как текст // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 4. С. 11–16.
11. Гишинский Я.И. «...я начинал как чистый “уголовник”...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 2–12.
12. Перекрест В.Т. Нелинейный типологический анализ социально-экономической информации. Л.: Наука, 1983.
13. Толстова Ю.Н. Основы многомерного шкалирования: Учебное пособие. М.: КДУ, 2006.
14. Толстова Ю.Н. Идеи моделирования, системного анализа, «качественной социологии»: возможность стыковки (на примере метода репертуарных решеток) // Социология: методология, методы, математические модели. 1997. № 8. С. 66–84.
15. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеосоциологии). М.: Мысль, 1974.
16. Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Ред. Н.Д. Арутюнова, М.А. Журиная. М.: Прогресс, 1990.
17. Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда общественного мнения, 2002.
18. Lazarsfeld P.F., Henry N.W. Latent Structure Analysis. Boston; Houghton Mifflin, 1968.
19. Коченков А.И., Толстова Ю.Н. Идеи латентно-структурного анализа Лазарсфельда в современной социологии // Социология: методология, методы, математические модели. 2003. № 16. С. 127–149.
20. Якобсон В.А., Лезин Г.В. Компьютерный анализ текста законов Хаммурапи: формулирование основных понятий // Информационные технологии в гуманитарных и общественных науках: Семантико-синтаксический анализ текстов. СПб.: СПбЭМИ РАН, 2000. С. 1–12. Вып. 10.

21. *Chomsky N.* Lectures on Government and Binding. Foris, 1981.
22. Информационные технологии в гуманитарных и общественных науках. Вып. 6: Обработка концептуальной информации. СПб., 1998.
23. Информационные технологии в гуманитарных и общественных науках. Вып. 7: Обработка концептуальной информации. СПб., 1999.
24. *Тузов В.А.* Синтаксический анализ предложений // Информационные технологии в гуманитарных и общественных науках. Вып. 6: Обработка концептуальной информации. СПб., 1998.
25. *Казачкова В.Г.* Метод незаконченных предложений при изучении отношений личности // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 154–157.
26. *Бурлов А.Б., Татарова Г.Г.* Метод неоконченных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: методология, методы, математические модели. 1997. № 9. С. 5–31.
27. *Фливерг Б.* О недоразумениях, связанных с кейс-стади // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 110–120.
28. *Курант Р., Роббинс Г.* Что такое математика? / Пер. с англ. М.: Изд-во «Просвещение», 1967.
29. *MacMillan K., McLachlan S.* Theory-Building with Nud*Ist: Using Computer Assisted Qualitative Analysis in a Media Case Study // Sociological Research Online. 1999. Vol. 4. No. 2; http://www.socresonline.org.uk/4/2/macmillan_mclachlan.html (дата считывания 14.11.2003).
30. *Каныгин Г.В.* Конструируя конструктивизм // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 19–28.